

С Вандой Павловной Оттович мы подружились как-то сразу, почти в первый же месяц ее приезда в Куйбышев, лет десять назад. Потом она играла в двух моих пьесах, шедших в разные годы на сцене Куйбышевского драмтеатра, и я узнала Ванду Павловну как художника, очень требовательного в работе к себе и к другим. К себе — в первую очередь. Нужно сказать, мой первый отзыв о работе Ванды Павловны в спектакле «Немой рыцарь» был отрицательным... Теперь, по прошествии времени, признаю: моя критика была основана на железной логике, но ло-

солью и радостью первого успеха. Были роли, сыгранные молодой актрисой во Владивостокском театре: Марсела в «Мадридской стали» Лопе де Вега, Маша в «Океане» Штейна, Ольга в «Хлебе» Киршона.

И если пять лет работы Оттович на Дальнем Востоке, в Советской гавани и Владивостоке можно назвать годами становления молодой актрисы, то Куйбышевский драмтеатр имени А. М. Горького — это для нее годы творческой зрелости.

Первой ролью, сыгранной актрисой на куйбышевской сцене, была роль севильской танцовщицы Пилар, за-

в непреклонной революционной принципиальности ее Комиссара, и в Зое, и в фанатичной эсерке Спиридоновой из спектакля «Шестое июля», смертной ненавистью ненавидящей большевиков и в то же время прекрасно сознающей свою обреченность.

Но в полную силу, в полный свой голос прозвучала эта тема, личная, выстраданная тема актрисы, к которой пришла она нелегким путем сомнений и поиска, — прозвучала, на мой взгляд, в четырех, самых важных для всего творчества Оттович ролях: Ольги (водевиль Арбузова «В этом милом старом доме»), Лизы («Валентина»

у актрисы столько выстраданной боли, что легко представляешь себе эту ее прошлую «замужнюю жизнь».

«Слишком ты многого от людей» требуешь», — раздраженно бросает сестре Антипа Зыков. Эти слова стали для актрисы ключевыми к образу Софьи, и Софья — Оттович и в самом деле много хочет от людей, от жизни и в первую очередь от себя. Она умна и проницательна, она прекрасно понимает «мерзости» окружающей ее жизни: и никчемность брата, и наглую, плохо скрытую под маской добропорядочности, нахрапистость Хеверна, и откровенный цинизм Муратова. Поэтому и не пойдет она замуж за Хеверна, и не поедет в Париж с Муратовым, потому что все это сделки с совестью, своеобразный вид той же торговой операции, жертвой которой она была в молодости и на которую больше уже не пойдет.

Гордая, властная хозяйка, чем-то напоминающая молодую Вассу Железнову, красивая, строгая женщина в черном платье. Такова Софья — Оттович в начале третьего акта, в сцене с Хеверном. И кажется не иссякаемы ее силы в борьбе с «мерзостями жизни», но вот, выгнав Хеверна, в бессилии опускается Софья — Оттович в кресло и, обнимая дворовую девочку Степку, плачет горько, почти навзрыд, как истрадавшаяся, измученная русская баба... И нет уже перед нами и в помине властной хозяйки, которая «всему делу голова», а есть усталая, очень одинокая женщина... Правда, потом, в конце третьей и в финальной четвертой картине, Софья — Оттович снова обретает свое внешнее спокойствие и силу, но сила уже от безысходности, от того, что не перешагнуть Софье Зыковой рамок своего класса, жить ей с волками и выть по-волчьи. Но она верит в будущее, в жизнь. Несет свой крест и верует.

Мне очень трудно писать об исполнении Вандой Павловной роли Авиловой в моей пьесе о Чехове «Если тебе нужна моя жизнь». Слишком много вложили мы в это наше детище. Могу сказать только одно — мое представление о Лидии Алексеевне Авиловой полностью совпало с тем образом, который создала на сцене Ванда Павловна. Другой я просто не могу ее себе представить.

Недавно Ванде Павловне Оттович присвоено почетное звание заслуженной артистки РСФСР. Товарищи, зрители тепло поздравили Ванду Павловну с радостным событием.

...Срывая листки календаря, быстро летят, заполненные до отказа, расписанные по часам и минутам актерские будни... Репетиции нового спектакля «Варвары», где Ванда Павловна будет играть роль Лидии, спектакли, работа в партийном бюро театра, в Куйбышевском отделении Всероссийского театрального общества, председателем которого товарищи избрали ее совсем недавно, участие в работе горкома партии, членом которого актриса является. И все это с предельной собранностью и полной отдачей, все с той же требовательностью к себе самой и к другим. Иначе жить она просто не может.

И. ТУМАНОВСКАЯ.

На снимке — сцена из спектакля «Зыковы»: Софья — В. Оттович, Степка — В. Яськова.

Фото З. Брайнина.

К 125-летию Куйбышевского драматического

театра имени А. М. Горького

Творческий портрет

ТРЕБУЯ С СЕБЯ...

гике моей, а не актрисы. Закованную в рамки средневековых условностей, не знавшую любви и болящую ее — душу героини Оттович разбудить было не так просто, как мне тогда казалось. И тщеславие, которое двигало всеми поступками Селии, уже горячо полюбившей венгерского рыцаря, было для актрисы той броней, тем забралом, за которыми ее героиня тщательно и боязливо скрывала охватившее ее чувство...

Ванда Павловна Оттович пришла в Куйбышев уже сложившейся актрисой и сложившимся человеком. Путь ее на сцену был не прост. Родилась и выросла она в небольшом южном городке на юге Украины. Как в смутном тревожном сне наплывают детские воспоминания о войне, об эвакуации — мычащих коровах и зареванных женщинах, перепуганных ребятишках и страшных взрывах где-то впереди, на этой запруженной людью дороге. Было тогда девочке восемь лет. И кто его знает, откуда и почему зародилась в ее душе тяга к театру, к миру прекрасному и непостижимому. Правда, была она тогда еще неясной и плохо осознанной. Твердое решение стать актрисой пришло значительно позже, когда уже был окончен Одесский химико-технологический институт, получен диплом инженера и остался позади первый год самостоятельной работы. Обычно в таких случаях актрисы редко говорят о своей прежней работе. Но Оттович ее любила. И расставалась с ней тяжело, мучительно. Но расставалась сознательно, уходя в театр, где, как ей казалось, могла выразить себя до конца, рассказать людям о своих мыслях, о своем отношении к жизни с максимальной требовательностью к себе и к другим.

Потом был Дальний Восток, таинственный и притягательный. Была ночь после первой премьеры в театре Советской гавани. Огромные волны Тихого океана разбивались о скалы, кричали чайки, пахло морскими водорослями, рыбой чешуей,

слонившей от пули болгарского коммуниста. В одной из статей о спектакле «Привал в Арко Ирис» писалось, что Пилар — Оттович была подлинной дочерью своего народа, темпераментной, бестрашной, отчаянной. Куйбышевские зрители тепло приняли новую актрису.

Затем последовали годы упорного труда, когда ночь является продолжением рабочего дня, а дневная репетиция продолжением и итогом ночных раздумий о роли. Последовали роли молодых героинь. Роли, для которых Оттович словно была создана: Селия в «Немой рыцаре», Комиссар в «Оптимистической трагедии», Людмила в «Детях Ванюшина», Зоя в моей пьесе «Кто ты, Женя?», Флоренс в «Странной миссис Сэвидж» и многие другие. И только Донна Анна из «Тогда в Севилье» с настоящим виртуозным мастерством сыгранная актрисой Оттович в остром сагирическом ключе в спектакле блестящем, легком и ироничном, открыла в актрисе новые стороны ее дарования — актрисы характерной, способной создавать образы яркие, полные самых броских красок и неожиданных поворотов.

В искусстве мало что происходит случайно. Все имеет свою закономерность. Наверное, не случайным было и то, что, приступая к работе над «Золотой каретой», постановщик спектакля П. Л. Монастырский неожиданно для всех и для самой актрисы дал ей роль старой барыни Табун-Турковской. Надо признать, что режиссерское чутье его не обмануло. Оттович играет Табун-Турковскую остро, сочно, колоритно, с подлинным блеском зрелого мастера.

Но все то, о чем я написала, все эти годы и роли явились своеобразными подступами актрисы к главной теме своего творчества — мере требовательности человека к жизни, к окружающим людям и, главным образом, к самому себе.

Правда, отзвуки этой темы можно было услышать и в прежних работах Оттович: и

и Валентина», Софьи («Зыковы») и Авиловой («Если тебе нужна моя жизнь»).

Милая, добрая, чуть грустная пьеса Алексея Арбузова. Милый старый дом, где царит музыка Моцарта и живут милые, добрые люди. Сюда, как к последнему своему пристанищу, приезжает красивая, элегантная, чуть усталая женщина, некогда бросившая в этом доме мужа и детей ради красивой и легкой жизни. А возвратившись, она понимает, что уже поздно, что ничего в жизни не проходит даром. Понимает, что появление ее в доме, где была она когда-то счастлива, разобьет счастье другой женщины, которую полюбили ее бывший муж и дети... Поняв это, героиня Оттович с жестокой непримиримостью судит самую себя и выносит себе единственный и справедливый приговор — одиночество.

Не может жить полумерами и другая героиня Оттович — Лиза, мать Валентина, простая проводница, женщина с большой русской душой и незыблемыми нравственными устоями. Не случайно в одной из многочисленных и довольно восторженных отзывов об этой работе актрисы было сказано, что образ Лизы, созданный Оттович, является моральным, нравственным камертоном всего спектакля.

Ванде Павловне Оттович близки цельные женские характеры, натуры сильные, недюжинные, умеющие постоять за себя в жизни, женщины прямых и ясных нравственных устоев.

И, вероятно, именно поэтому одной из наиболее крупных удач актрисы за последние несколько лет является роль Софьи в пьесе Горького «Зыковы».

Когда-то в юности проданная братом в жены богатому и нелюбимому старику и ставшая затем его наследницей, Софья — Оттович прекрасно знает цену нравственному компромиссу. И хотя о прошлом своем она говорит в пьесе очень скупое, всего две или три реплики, которые она произносит сдержанно и почти бесстрастно, за бесстрастностью этой скрыто